Отзыв официального оппонента
о диссертационном исследовании
Ирины Леонидовны Багратион-Мухранели
«Репрезентация Грузии и Кавказа
в русской литературе XIX – начала XX века»,
подготовленном на соискание учёной степени
доктора филологических наук
по специальности 10.01.01 – русская литература

В наследии великого французского традиционалиста XX века Рене Генона встречается странное, на первый взгляд, указание на то, что в макроистории человечества, проходящей через гигантские геологические катаклизмы, существовало много Кавказов – эта в общем-то чуждая для библиоцентрического сознания мысль направлена, однако, на раскрытие того феномена, который отец Павел Флоренский именовал «общечеловеческими корнями идеализма», а прежде всего – на постижение исключительно сотериологического смысла Кавказа (неизбежно включающего и гибельные возможности, ибо «Кавказ – место действия Библии и место казни», как отмечается на стр. 357 дис. соч.), Кавказа как земной метонимии горнего мира... Этот метафизический характер высокогорного ансамбля, соединяющего Восток и Запад, Европу и Азию, оказывается глубоко воспринятой реальностью прежде всего изнутри самой поэтики русской словесности Нового времени, а интересующая нас теперь работа стала существенным подтверждением сказанного, поскольку – согласимся с её автором – «топос Кавказа получил символическую природу в русской литературе» (стр. 284 дис. соч.) в качестве «прародины человечества», к которой открывается «возможность приобщиться» (стр. 329 дис. соч.)...

Представленная к защите диссертация И. Л. Багратион-Мухранели – основательный докторский труд, впечатляющий обширностью привлекаемого к рассмотрению «кавказологического» материала, а также глубокой укорененностью в нём исследовательской мысли автора. Художественная, документальная, церковная литература, фольклор и литература низовая, массовая, посвященная Грузии и Кавказу, имеют общие концепты, на мотивном выявлении которых строится это диссертационное исследование. Сам по себе мотивный анализ – не нов, но именно он позволяет в данном случае объёмно и сферически представить предметное целое, которое, на наш взгляд, можно было бы определить в качестве сотериологической метафизики Кавказа, отсылающей нас, как отмечает сам автор на стр. 179, «к началу всемирной истории, поскольку её летоисчисление в России начиналось от сотворения мира (5508 лет от сотворения мира)». «Кавказ, - отмечается в диссертации

на стр. 198 и эта мысль звучит неоднажды, - место райской природы, край, приближающийся к библейской прародине человечества. Кавказ в сознании современников связывался с Араратом, местом, куда причалил Ноев Ковчег».

Настоящая диссертация вполне органично входит в контекст современной литературоведческой науки; выбор такой темы не вызывает у нас сомнений; исследование отличает самостоятельность и завершенность. Используя центральную оппозицию «Свой / Чужой», представленную здесь как «Русский / Кавказский», автор диссертации показывает становление констант русского национального самосознания в соприкосновении с иной национальной средой, а также демонстрирует, сколь длительным и плодотворным было для русской литературы соприкосновение с явлениями, героями, природой горного Кавказа и православной Грузии. В работе также прослеживается феномен «единства русского и грузинского Православия» (стр. 179 дис. соч.), который усиливает интерес к кавказской действительности.

Актуальность темы диссертации обусловлена нарастающей важностью регионального и этнокультурного моделирования и связана с отсутствием работ, целостно представляющих данную тему – как на материале художественной литературы, так и документальной прозы, фольклора, церковной и массовой литературы.

Научная новизна результатов данной диссертации несомненна: впервые в литературоведческой науке столь крупным планом рассматривается репрезентация Грузии и Кавказа в русской литературе и выстраивается модель (через сотериологически ориентированную систему мотивов) становления этнокультурных концептов в художественном творчестве русских писателей. Это сообщает работе характер фундаментальности.

Обоснованность и достоверность заключительных выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации достаточно очевидна: об этом свидетельствуют как последовательно развёртываемая в исследовании теоретико-методологическая база с её прикладным инструментарием, так и само предметное поле диссертационного труда – его источниковая база.

Филологический подход, который составляет основу исследования, реализуется, как уже было отмечено, через мотивный анализ, и это позволяет увидеть, как происходила кристаллизация кавказского мифа в русской литературе в творчестве А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, А. А. Бестужева-Марлинского, А. И. Полежаева, В. А. Соллогуба, Я. П. Полонского, В. И. Даля, А. Н. Муравьева, а также Д. Л. Мордовцева, Н. И. Зряхова, Л. А. Чарской.

Подробно рассмотрены мотивы границы, плена, чудесного исцеления, кавказской утопии, культурного просветительства, перехода военного в монахи и другие. Кавказ как потерянный рай и Кавказ как пространство войны проанализированы наряду с мотивом культурного миротворчества. Необходимо также отметить материалы Приложений диссертации, касающиеся церковно-религиозной литературы, как существенно углубляющие тему репрезентации Грузии и Кавказа.

В диссертационном исследовании представлен разнообразный жанрово-тематический материал, который анализируется в рамках поэтики произведений. Это жанры лирических стихотворений, исторических песен, романтической поэмы, повести и рассказа, этнографического очерка, баллады, драмы и комедии, мемуарной литературы, агиографии, публицистических статей, в которых автор диссертационного исследования вычленяет общие для них мотивные структуры, являющимися своеобразными константами самосознания русской словесности XIX века.

С последним связана **научно-теоретическая и практическая значимость результатов и основных положений диссертации**, которые не подлежат сомнению.

Научно-теоретическое значение этой диссертационной работы связано с построением схем мотивного анализа на основе репрезентации темы Кавказа и Грузии в русской литературе. Вместе с тем, работа имеет междисциплинарный характер: наряду с филологическим, используются подходы исторический, социологический, культурологический, имагологический, религиозный – этим задаётся теоретико-методологическая высота исследования.

Практическая значимость результатов и основных положений диссертации определяется возможностью использования её материалов при чтении вузовских курсов лекций и проведении семинарских занятий по русской литературе.

Работа имеет безусловную исследовательскую ценность, это – фундаментальный труд по кавказской проблематике в русской литературе, охватывающий самый важный для неё период развития этой темы. Укажем и на обобщающий характер этой диссертационной работы, где со всей полнотой учтены предшествующие труды по теме и сделан новый шаг в осмыслении проблемы.

Полнота опубликованности основных положений и результатов диссертации также не вызывает сомнений. Представленное исследование – результат многолетней работы над

темой; настоящий труд воздвигался, судя только по первым указанным публикациям, около полутора десятков лет. Как учёный, разрабатывающий эту проблематику, И. Л. Багратион-Мухранели является автором двух монографий, двух учебных пособий (объёмом 60 п. л.), десятка выступлений на крупных научных конференциях; она имеет двадцать публикаций в изданиях, рецензируемых ВАК РФ; список других авторских работ (включая шесть зарубежных изданий) насчитывает ещё пятьдесят семь позиций. Публикации по теме исследования и его автореферат отражают основное содержание диссертации.

Автор – признанный специалист в своей области научного знания; её научные труды будут всегда востребованы при заинтересованном обращении к исследуемой ею тематике и проблематике.

Структура работы отличается глубокой продуманностью: введение содержит все необходимые обосновывающие компоненты, предваряющие последующее раскрытие заявленной темы; четыре главы диссертации последовательно связаны с реализацией её исходного замысла. На протяжении ста лет в русской литературе один из компонентов оппозиции «свой / чужой» реализуется как «русский / кавказский». Образ Другого на Кавказе во многом определял формирование национального самосознания русской классической литературы. Мифообразующим текстом стала поэма Пушкина «Кавказский пленник». В первой главе рассматриваются мотив плена и мотив свободы, символом которой выступал Кавказ в начале XIX века. Они оказались в центре внимания русских писателей и продолжали оставаться сюжетообразующими в дальнейшем развитии русской литературы. Затем к ним прибавились мотив границы (глава вторая), мотив чудесного исцеления (глава третья) и мотив культурного миротворчества (глава четвёртая).

Диссертация имеет чёткие хронологические границы: ода Державина «На возвращение графа Зубова из Персии» 1797 г. – публикация Хаджи-Мурата – 1912 г. Материал включает как ключевые произведения, так и массовую литературу, начиная с истоков кавказского мифа. Автор рассматривает произведения, переведённые с кавказских языков в конце XVIII века, обращается к творчеству Державина, Нарежного, страноведческим сочинениям – митрополита Евгения Болохвитинова «Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном её состоянии» и т. д.

Отметим также, что в диссертации представлено целостное типологическое исследование принципов изображения Грузии и Кавказа в русской литературе XIX века, причём, как в художественной, так и в публицистической. Литература здесь выступает прежде всего

как мотивная фиксация определенных представлений, национальных мифов, формирования инвариантов восприятия. Впечатляет огромный охват материала, который автор прекрасно знает наряду с многочисленными научными трудами по исследуемому предмету. В диссертации выделяются два типа и соответствующие им две модели репрезентации: Кавказ библейский и Кавказ имперский.

За сто лет отечественная литература запечатлела Россию в состоянии войны и мира (кавказская война длилась с 1817 по 1864 год), гражданского и церковного строительства. Единство православия русской и грузинской «церквей-сестёр» позволило диссертантке рассматривать процесс культурного миротворчества на Кавказе, выделив Грузию из общекавказского контекста. Это мотивируется в работе и историко-политическими обстоятельствами, в известной мере детерминирующими литературное развитие: после присоединения Карт-Кахетинского царства к России была образована Грузинская губерния, но ни Армения, ни Азербайджан, состоявший из нескольких ханств, не имели государственности, самостоятельного отражения в литературе не получили, тогда как в понятие Кавказ входили также Северный Кавказ, Чечня, Дагестан и многие другие области и народы.

Заключение диссертации содержит обстоятельные итоговые выводы, а также интересные размышления о нынешнем состоянии дел и упования на грядущее литературное пробуждение «памяти места».

Библиография насчитывает 413 позиций (из них 56 – на иностранных языках).

Диссертация имеет четыре приложения, посвящённые русско-грузинским церковным взаимотношениям, грузинским переводам О. Э. Мандельштама и античным корням традиций грузинского застолья.

Особое значение, на наш взгляд, имеет обращение к церковной литературе: здесь прежде всего – жития грузинских святых, написанные М. Сабининым на русском; травелоги А. Н. Муравьева показывают единство русского и грузинского православия при их национальном различии.

Спор о назначении провинциальной печати в публицистике Д. Л. Мордовцева и Нико Николадзе, А. Грацисского, а также Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя» позволяют автору исследования показать, как осознавались границы регионального и общенационального в связи с самоопределением Кавказа.

Соответствие диссертации специальности и отрасли науки, по которым она представлена к защите – в полной мере убедительно. Диссертация посвящена динамике кавказской темы в русской литературе XIX века. Кавказ и Грузия являются не просто

темой локальных (региональных) текстов, а входят в корпус классических произведений, формирующих основные константы русского национального самосознания. При всём разнообразии авторов, жанров, стилей, есть нечто общее, отразившееся в них. Изучению концептов русской литературы, моделям включения этнокультурных компонентов в художественное творчество русских писателей и посвящено настоящее исследование.

В работе исследуются не только ключевые художественные тексты – произведения Пушкина, Лермонтова, Толстого, связанные с Кавказом, но также сочинения А. А. Бестужева-Марлинского, А. И. Полежаева, А. Ф. Вельтмана, В. И. Даля, В. А. Соллогуба, Я. П. Полонского, А. Н. Муравьева, Д. Л. Мордовцева, литература низовая, массовая, солдатский фольклор времён Кавказских войн, агиография и литература документальная. Автор рассматривает сакральные, мифологические аспекты темы, отмечая, что в XIX веке Кавказ воспринимался как пространство не только Имперское, но религиозное, Библейское, а также пространство религиозной войны. Столкновение христианства, язычества и мусульманства придавало описанию конфликтов на Кавказе особую напряжённость, без учета которых нельзя сколько-нибудь полно анализировать характер репрезентации Кавказа и Грузии в русской литературе.

Соответствие научной квалификации соискателя учёной степени, на которую он претендует, является, на наш взгляд, исчерпывающим.

Достоинства и особенности как исключительно положительные стороны этой работы:

1. Работа выходит за рамки исключительно историко-литературного анализа, который, однако, осуществлён здесь на должной высоте и в принципе в диссертации явно доминирует – четыре же приложения имеют и культурологическую ценность, содержат материал для комментария текстов, которые там анализируются.

2. Привлекает особая исследовательская оптика, позволившая диссертантке захватить разнородный и разножанровый литературный материал, а также пролить новый взгляд на известные произведения в контексте большого кавказского текста русской литературы.

3. Интересно предложение автора диссертационного исследования рассматривать кавказский текст русской литературы как сверхтекст, отличающийся и от литературы провинциальной, сосредоточенной вокруг одного города, и от литературы региональной. Этот кавказский сверхтекст, с её точки зрения,

сопоставим по своей суггестивной мощи и смысловой объёмности с сибирским сверхтекстом.

Оценивая диссертационное исследование И. Л. Багратион-Мухранели в целом, следует отметить, что оно выполнено на высоком научном уровне, основные концептуальные положения изложены автором с достаточной убедительностью.

Работу отличает добротная теоретическая база исследования, ясность изложения, свободное владение исследовательским материалом, глубокое понимание закономерностей литературного развития, но что нам представляется особенно важным – религиозно-литературных связей.

Замечания, недостатки диссертации и вытекающие вопросы общего и частного характера:

Первое. Сами феномены Кавказа и Грузии, имея, несомненно, все чисто топологические основания для культурного сближения, всё же не являются в полной мере структурно *рядоположенными* на уровне того, что Бахтин именовал «большим временем» истории культуры – здесь с некоторыми теоретическими допущениями возможно было бы развёртывание совмещающей логики по модели 'родовое – видовое': сакральная православная Грузия оказывается поздней формой исторической реализации библейско-ветхозаветной сотериологии Кавказа в её богопромыслительном развитии... Но всё это требует дополнительной и постановочной (обосновывающей) теоретической рефлексии. Кроме того, культурно-исторические миры Армении и Азербайджана (при всех оговорках об отсутствии в них государственности), как и миры горцев – органически принадлежат топосу Кавказа, и само место Грузии в этой сложнейшей конгломерации нуждается в каком-то дополнительном историософском прояснении, связанном, пожалуй, прежде всего, со стратегическим осмыслением устроения православного мира, что в принципе прочувствовано автором, однако могло бы быть реализовано и более рельефно.

Второе. В масштабах отечественной словесной культуры Кавказом начинается и им завершается её универсальный «трансмиф»: в древнейшей русской летописи, «Повести временных лет», это – указание на кавказское начало послепотопной истории человечества, предваряющее его новое расселение после гигантского катаклизма; завершение же её новой истории связано, на наш взгляд, с феноменом имяславия, начало которому положено известной книгой схимонаха Иллариона с говорящим названием «На горах Кавказа» (упомянутой в диссертации на стр. 331), содержащим очевидный сотериологический символизм... Этот масштаб библейской

историософии задаёт необходимую координацию крупных планов (с учётом означенного научным консультантом «требования как можно более широкого контекста освоения литературного процесса») в рамках того, что опять-таки Бахтин проименовал «большим временем» – отсутствие такой теоретико-методологической опоры (скажем, исторической поэтики, фундаментальных историософских, как и культурно-типологических разработок) в работах по «кавказскому», «сибирскому», «малороссийскому», «петербургскому» текстам отечественной культуры несколько удивляет: большие пространства, глокальности оказываются здесь почему-то предпочтительнее исторической темпоральности; словно бы «река времён в своём стремленье» и не «уносит все дела людей»...

Третье. В структуре авторского мышления недопроявлено наследие русских религиозных философов: Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, Б. П. Вышеславцева, М. О. Гершензона, Н. М. Зёрнова и др. – столь много и ярко писавших о «власти пространств над русской душою». Оно могло бы послужить основою для укрупняющей теоретической рефлексии, на желательность которой мы указали в первых двух замечаниях. Если нам скажут, как это часто бывает, что в работе развёрнуто исследование русской словесности, а отнюдь не отечественной философии – то нам остаётся указать на глубочайшие замечания А. Ф. Лосева, Г. Д. Гачева, Ю. В Мамлеева, что «русская литература – и есть наша самобытная философия», во всяком случае, понята она в полной мере без привлечения выросшей из неё специфической религиозно-философской герменевтики, по нашему убеждению, никак быть не может.

Четвёртое. Святитель Игнатий Брянчанинов – епископ Кавказский и Черноморский – был замечательным церковным писателем XIX века, великолепным стилистом. Отсутствие его наследия в «кавказском сверхтексте» русской словесности вызывает недоумение, а упоминание на стр. 65 и 67 «о. Игнатия Брянчанинова» в качестве прототипа, иллюстрирующего «мотив перехода военного в монахи» в русской литературе – всё-таки не отражает полноты значения этого имени для русского православия и отечественной словесной культуры с учётом сотериологического смысла последней... Почему из рассмотрения исключены собственные тексты свт. Игнатия?

Пятое. Шедевр Пушкина «Монастырь на Казбеке» был бы достоин отдельного поэтологического анализа в работе по такой теме, а не просто четырёх беглых упоминаний на стр. 41, 171, 182, 329. В книгах «Поэтика пространства в русской метафизической лирике XIX века» и «Человек и Тотальность: поэтика пространства и её кризис»

мы отмечали, что о болезнующем проживании духовных странствий, о мытарственном движении в горние обители Небесного Отца говорят многие пушкинские стихи и, может быть, проникновеннее других – «Монастырь на Казбеке». Высокогорный «монастырь за облаками» – «в небе реющий ковчег» – принадлежит уже не только области дольнего мира, но и сфере «заоблачной» – метафизической, сверхприродной, горней, «царственной», «вечной»... Монастырь, расположенный на Казбеке, в горном регионе земли, становится достоянием *духовного неба*... И поэт, тонущий в земных «водах житейского моря», обращает свой молитвенный взор к этому надзвездному спасительному пристанищу – к «далёким, вожделенным» берегам вечной жизни. Сердечный помысел Пушкина устремляется «к вольной вышине» – и автор диссертации приводит дальнейшие строки: «туда, в заоблачную келью // В соседство Бога скрыться мне». Однако, перед нами тут – глубочайший образ церковной молитвенной лирики, близкий святоотеческой гимнографии православных литургистов IV–V веков святителей Василия Великого и Иоанна Златоуста, которые были и крупнейшими поэтами первых столетий христианской эры; вся эта символическая структура нуждалась бы в углублённой и расширенной экзегезе, учитывая тот факт, что, как отмечает сам автор диссертации, «в России... мистические функции церкви частично берёт на себя русская литература» (стр. 218 дис. соч.).

Шестое. В разделе «Библиография» отсутствуют источники – выделение подраздела «художественная литература» лишь отчасти компенсирует это упущение, поскольку тут часто репрезентируются издания собраний сочинений, а не конкретные тексты, составляющие для исследуемой тематики источниковый материал, задающий предметное поле диссертационного исследования. Почему автор предпочла такой путь?

Седьмое. Чеховский «Злоумышленник» не содержит понятия «вандализма», как указано на стр. 20 (мы полагаем, что у Чехова здесь ставится не тема «дикости», но тема «инаковости»!) – само это замечание нам не представляется слишком уж частным, поскольку затрагивает содержащуюся в работе глобальную культурно-цивилизационную проблематику и связано со специфической герменевтикой темы «Россия и Европа»... Вспоминается здесь небольшая, но замечательная работа К. Н. Леонтьева «Епископ Никанор о вреде железных дорог, пара и вообще об опасностях слишком быстрого движения жизни»; вспоминаются и соображения Л. Н. Толстого о «неподсудности крестьян». В работе «Двойной лик России и немецкие восточные проблемы» Освальд Шпенглер чётко указал на существо этой культурно-антропологической проблемы

чеховского «злоумышленника», обнажая её изнанку: «Истинный русский – всегда крестьянин, кем бы он ни был: учёным или чиновником... Русский переносит в душе своей деревню в русские города... Русский дух отодвинет в сторону западное развитие и через Византию непосредственно примкнёт к Иерусалиму».

Восьмое. Глубочайшие страницы диссертации посвящены, на наш взгляд, лермонтовскому художественному миру, здесь проведены убедительные параллели с Мильтоном и Блаженным Августином – однако, заметим, что «поэтом сверхчеловечества» Лермонтова называл отнюдь не В. С. Соловьёв, как это утверждается на стр. 197, а Д. С. Мережковский в известной одноимённой статье; равно как и приводя на стр. 192 мысль прот. Георгия Флоровского об «Империи и Пустыне как антиномиях христианской истории», автор ошибочно умозаключает: «У Лермонтова – своя Империя ("Люблю я родину, но странною любовью"), своё изображение мира дольнего». Оставляя в стороне ошибочное цитирование первой строки поэтического текста «Родина» (всё-таки: "Люблю отчизну я..."), которая, пожалуй, усилила бы «имперское» впечатление, надо указать на в корне иной – не имперский и вообще не исторический, а скорее космический! – опыт лермонтовского восприятия родины: «степей холодное молчанье», «лесов безбрежных колыханье», «разливы рек, подобные морям»; не укладывается оно исключительно в уровне «дольнего» мира и существенно смыкается с более поздним, рильковским россиеведческим озарением: «Россия граничит с Богом»...

Приведённые замечания, имея всё-таки контекстуально-укрупняющий характер, нисколько не снижают глубоко положительного впечатления от реальной объёмности сделанного автором диссертационной работы, хотя и развёрнутой всё-таки более в позитивистском («старом, добром...»), нежели в герменевтическом ключе – последнее было бы желательным, однако может составить перспективу будущих исследований.

Заключение

Диссертация Ирины Леонидовны Багратион-Мухранели «Репрезентация Грузии и Кавказа в русской литературе XIX – начала XX века», представленная на соискание докторской учёной степени, должна быть признана выдающейся научной работой, самостоятельно подготовленной соискателем и отличающейся высокой степенью актуальности, оригинальности и научной новизны, а также содержащей вполне определённое теоретическое открытие. Содержание данного труда соответствует избранной специальности, его формальная репрезентация полностью соответствует требованиям

п. 9, 10, 11, 13, 14 Положения о присуждении ученых степеней ВАК Минобрнауки России, предъявляемым к диссертациям на соискание докторской ученой степени, а его автор, Ирина Леонидовна Багратион-Мухранели, заслуживает присуждения ей учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии (ВАК РФ); заведующий кафедрой культурологии и литературы, научный руководитель Центра кризисологических исследований Шуйского филиала Ивановского государственного университета, действительный член (академик) Академии философии хозяйства, МГУ имени М. В. Ломоносова

В. П. Океанский

Контактная информация:

ФИО оппонента:
Океанский Вячеслав Петрович
Ученая степень:
доктор филологических наук,
диплом доктора наук ДК № 019461
Ученое звание:
профессор по кафедре культурологии,
аттестат профессора ПР № 014571
Должность:
заведующий кафедрой культурологии и литературы, профессор
Место работы (полное и сокращенное название организации):
Шуйский филиал ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»
Шуйский филиал ИвГУ
Адрес места работы:
155908, г. Шуя Ивановской области, ул. Кооперативная, 24, каб. 217.
Телефон служебный: 8-910-990-20-20
e-mail места работы: slovesnost2008@mail.ru , или: ocean_65@mail.ru
web-сайт места работы: http://www.sspu.ru

”19“ апреля 2016 г.

Океанского В.П.
УДОСТОВЕРЯЮ
(Филиппова О.Ю.)
19.04.2016